

Завальный Данил Павлович

Студент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

**САНКЦИИ VS ФОРС-МАЖОР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ В
ДОЛГОСРОЧНЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОНТРАКТАХ (НА ПРИМЕРЕ
РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации правовых подходов к квалификации санкций в контексте форс-мажора в долгосрочных нефтегазовых контрактах. Рассматриваются критерии непреодолимой силы, специфика энергетических соглашений, влияние санкционных режимов ЕС на исполнение контрактов, а также судебная и арбитражная практика. Предлагаются гибридные договорные механизмы управления политическими рисками и рекомендации по адаптации контрактов в условиях геополитической нестабильности.

Ключевые слова: форс-мажор, санкции, международное энергетическое право, нефтегазовые контракты, политические риски, арбитраж, энергетическая безопасность.

Zavalniy Danil Pavlovich

Student

Saint Petersburg State University of Economics

**SANCTIONS VS FORCE MAJEURE: TRANSFORMATION OF APPROACHES
IN LONG-TERM OIL AND GAS CONTRACTS (THE CASE OF RUSSIA–EU
RELATIONS)**

***Abstract:** The article analyzes the transformation of legal approaches to the qualification of sanctions in the context of force majeure in long-term oil and gas contracts. It examines the criteria of force majeure, the specifics of energy agreements, the impact of EU sanctions on contract performance, and relevant judicial and arbitral practice. Hybrid contractual mechanisms for managing political risks and recommendations for contract adaptation in conditions of geopolitical instability are proposed.*

***Key words:** force majeure, sanctions, international energy law, oil and gas contracts, political risks, arbitration, energy security.*

В условиях беспрецедентной эскалации геополитического напряжения между Российской Федерацией и Европейским союзом, санкционные режимы перестали быть маргинальным фактором, трансформировавшись в системообразующий элемент контрактных рисков. Эта новая реальность требует кардинального переосмысления классических представлений о форс-мажоре в долгосрочных нефтегазовых соглашениях. Традиционные правовые конструкции, разработанные для регулирования непредвиденных обстоятельств природного или техногенного характера, оказались не вполне применимы к преднамеренным политическим ограничениям.

Наблюдаемое расхождение между традиционными положениями о форс-мажоре и практикой применения ограничительных мер порождает конкретные юридические и экономические дилеммы. От споров об освобождении от обязательств до цепочек финансовых потерь и прерываний поставок, эта ситуация ставит под сомнение пригодность стандартных договорных шаблонов. Возникает острая потребность в разработке новых подходов, способных адекватно реагировать на политически мотивированные риски, которые теперь являются неотъемлемой частью международных торговых отношений.

Цель настоящего исследования — всесторонне проанализировать эволюцию правоприменительных подходов к санкциям и форс-мажору в российско-европейских нефтегазовых контрактах. Посредством сопоставления арбитражной практики и конкретных кейсов мы стремимся выявить закономерности трансформации этих подходов и сформулировать практико-ориентированные задачи по адаптации договорных механизмов. Особое внимание будет уделено разработке гибридных решений, интегрирующих политические риски в договорные обязательства.

Актуальность и прикладная значимость работы выражаются в необходимости выработать модель гибридных нормативно-договорных решений и рекомендаций по управлению политическими рисками в долгосрочных поставках энергоносителей. Исследование ограничено российско-европейским контекстом и временным окном современных санкций, что позволяет получить целенаправленные выводы для правоприменителей и коммерческих акторов. Данный анализ позволит внести вклад в доктрину, помогая компаниям адаптироваться к изменяющимся геополитическим условиям и минимизировать риски.

Классическое содержательное ядро института форс-мажора опирается на три юридических критерия: внешность события по отношению к сторонам, его непредвидимость на момент заключения договора и непреодолимость последствий

для исполнения обязательств. В правоприменительной практике эти критерии используются для отграничения форс-мажора от обычных коммерческих рисков и для определения объема освобождения от ответственности. Институт функционирует как механизм перераспределения риска между контрагентами, позволяя сместить экономические последствия внезапных и объективно непреодолимых событий. Соотношение с институтами невозможности исполнения и непредвиденных обстоятельств определяется по характеру исхода: форс-мажор чаще всего влечет временное освобождение или приостановление обязательств, тогда как непредвиденные обстоятельства могут требовать пересмотра условий договора.

Динамика правоприменения и кодификаций привела к существенным изменениям в границах понятия форс-мажора под влиянием прецедентной практики, международных кодексов и типовых контрактных форм. Судебные и арбитражные решения формируют стандарты доказательства, ориентируя стороны на представление конкретных фактов, подтверждающих причинно-следственную связь между событием и невозможностью исполнения. Одновременно типовые формы контрактов и кодификации задают процессуальные требования к уведомлению, срокам и форме доказательств, что влияет на практическую применимость института. В результате происходит постоянное балансирование между расширением и сужением границ форс-мажора в зависимости от отраслевой специфики и требований доказательств.

Долгосрочные контракты на поставку энергоресурсов характеризуются непрерывностью и длительностью поставок, что суммирует коммерческие и операционные риски в долгосрочной перспективе. Механизмы take-or-pay придают обязательствам жесткость, поскольку покупатель остаётся финансово ответственным за оговорённые объёмы даже при временных перебоях, что усложняет применение освобождения по форс-мажору. Взаимозависимость транспортной и производственной инфраструктуры усиливает риск системных

сбоев, когда нарушение в одном звене влечёт за собой цепную реакцию в логистике и поставках. Присутствие прогнозируемых и системных рисков требует от сторон учитывать не только внезапные обстоятельства, но и длительные структурные изменения при формулировании положения о форс-мажоре.

Договорные адаптации включают специфические формулировки форс-мажора с детализированными уведомительными и доказательными режимами, направленными на оперативное подтверждение обстоятельств и снижение неопределённости исполнения. Положения о приостановлении исполнения и перерасчёте обязательств обычно сопряжены с процедурами временной корректировки объёмов, ценообразования и распределения риска для минимизации экономических последствий. Разграничение форс-мажора и *hardship* осуществляется через критерии непредотвратимости, непреодолимости и влияния на способность стороны исполнять договор, а также через предусмотренные этапы реструктуризации обязательств. Для длительных энергетических договоров типичны механизмы реструктуризации и прекращения, включающие переговорные и медиативные процедуры, схемы компенсаций и порядок урегулирования остаточных обязательств.

Санкции имеют нормативную природу как инструмент государственной политики и формируются посредством видовых источников, включая акты ЕС, регламенты, директивы и национальные меры. Их публично-правовой характер проявляется в том, что они принимаются и реализуются органами государственной власти или международными организациями в рамках внешней политики. Правовые механизмы реализации санкций в международных отношениях опираются на административные процедуры и взаимодействие государств, что отличает их от частноправовых инструментов, применяемых в классических гражданско-правовых отношениях.

В отличие от классического форс-мажора санкции возникают как преднамеренное политическое решение, что существенно влияет на критерии их

квалификации в договорном праве. «Однако наряду с этим становится все более заметной опасная тенденция политизации энергетических рынков с целью их использования как инструмента геополитики. Мировые рынки энергоресурсов постоянно находятся под сильным воздействием факторов неэкономического характера, что усиливает конфликтный потенциал и недоверие участников рынка друг к другу, заставляет искать альтернативные, зачастую весьма дорогостоящие, пути решения проблем [5, с.6].» Политизированный и целенаправленный характер санкций делает их в ряде случаев прогнозируемыми и управляемыми в политической плоскости, однако длительность и намеренность таких мер препятствуют их автоматическому отнесению к обстоятельствам непреодолимой силы.

Правовые последствия квалификации санкций в договорных рамках зависят от различия юридических конструкций, таких как невозможность исполнения, запрет на исполнение, незаконность и конфликты норм. При квалификации как невозможности исполнения может наступать освобождение от ответственности за неисполнение, тогда как признание запрета на исполнение чаще приводит к временному приостановлению обязательств без их автоматического прекращения. Конфликты норм и разные подходы к квалификации влияют на доступные средства защиты, условия расторжения контрактов и механизм перераспределения рисков между сторонами.

Санкции ЕС воздействуют на выполнение нефтегазовых контрактов через несколько взаимосвязанных каналов. Первый канал — ограничения на платежи и расчёты, включая запреты или сложные процедуры для проведения трансграничных банковских операций и доступа к финансовым услугам. Второй канал — экспортные ограничения на технологии и услуги, которые препятствуют исполнению монтажных, сервисных и подготовительных работ. Третий канал — логистические и страховые ограничения, проявляющиеся в недоступности

страховых покрытий, ограничениях морской логистики и повышенных рисках для перевозчиков, что нарушает цепочки поставок.

В практике российско-европейских отношений фиксировались случаи приостановки работ после введения ограничений, когда контрагенты отказывались продолжать исполнение в связи с неопределённостью правового статуса операций. Отдельные примеры включали отказы контрагентов от исполнения договорных обязательств и применение банковских ограничений, которые затрудняли проведение платежей и замедляли выполнение логистических операций. В совокупности такие явления приводили к задержкам поставок, срыву графиков и увеличению транзакционных издержек для всех участников контрактов.

Реакции сторон на санкционные препятствия варьировали от формальных уведомлений о форс-мажоре до попыток получения лицензионных исключений от компетентных органов. Часто использовались схемы через цепочки субподрядов в третьих юрисдикциях и перераспределение коммерческих рисков через перестрахование и изменение условий платежей. Практическая эффективность таких мер была ограничена административными барьерами, повышенными затратами и риском дальнейшего привлечения к ответственности за обход санкций. В результате коммерческие меры снижали убытки частично, но не всегда обеспечивали надёжное исполнение обязательств в долгосрочной перспективе.

Анализ арбитражных решений и национальных судебных практик показывает различие подходов к применимости института форс-мажора в случаях введения санкций. Трибуналы часто фокусируются на конкретной формулировке договорных оговорок и на том, признаётся ли санкционный режим обстоятельством, делающим исполнение обязательств невозможным или существенно затруднительным. В одних юрисдикциях суды признавали ссылки на форс-мажор при наличии прямой юридической или фактической блокировки исполнения, в других — отклоняли такие доводы, указывая на меру предвидимости и возможность альтернативных путей исполнения. Различия между арбитражем и

национальными судами также проявляются в склонности арбитров опираться на деликатный баланс контрактной воли сторон и внешних ограничений, тогда как национальные суды чаще учитывают публично-правовой характер санкций.

Практика закрепляет устойчивые правовые тенденции: для признания форс-мажора требуется убедительная демонстрация непреодолимости и непредвиденности события, а также прямой причинно-следственной связи с неисполнением. Бремя доказательства обычно возлагается на сторону, заявляющую о форс-мажоре, и трибуналы тщательно оценивают предпринятые меры по минимизации последствий и поиску альтернативного исполнения. При этом оценка добросовестности поведения сторон и соразмерности принятых ограничительных мер стала ключевым элементом правоприменения, что отражается в оценках попыток репонирования риска и уведомительной практике. Для договорной практики из этих трендов вытекают требования к более точной регламентации форс-мажорных положений, процедур уведомления и механизмов разрешения споров с привлечением экспертной оценки и заранее согласованных правил распределения риска.

Традиционные положения о форс-мажоре демонстрируют существенные ограничения в условиях санкционного давления, поскольку классические критерии непреодолимой силы не всегда применимы к правовым запретам, инициированным внешнеполитическими мерами. Возникают сложности с определением того, когда правовые ограничения являются действительно непреодолимыми, а не результатом управляемого политического выбора или деловой неустойчивости. Кроме того, наблюдается конфликт между договорной безопасностью сторон и необходимостью соблюдения санкционных режимов, что порождает неопределённость в оценке права на освобождение от ответственности. В таких условиях наличие однозначных стандартов форс-мажора становится недостаточным для устойчивого регулирования долгосрочных нефтегазовых контрактов.

Гибридные механизмы предлагают структурные элементы, позволяющие дифференцировать реакцию на риски: поэтапные триггеры правового, фактического и политического характера обеспечивают более точную привязку к реальной ситуации. В них целесообразно чётко разграничивать приостановку исполнения обязательств и основания для расторжения договора, чтобы избежать преждевременных или необоснованных разрывов контрактов. Важным компонентом является распределение бремени доказательства между сторонами и установление обязанностей по смягчению последствий, что снижает риск злоупотреблений и стимулирует активные попытки сохранения исполнения. Такой конструктивный подход повышает предсказуемость и способствует оперативному реагированию на изменения внешнеполитической среды.

Практика договорного закрепления уже включает формулировки *carve-out* для санкционных ограничений, направленные на минимизацию коллизий между обязательствами сторон и применимыми эмбарго или запретами. Дополняющие положения о координации с государственными органами и специальные интерпретационные оговорки помогают упорядочить процесс принятия решений и снижают уровень правовой неопределённости при реализации защитных механизмов. Адаптация положений о применимом праве и юрисдикции, включая оговорки о корректировке правоприменительных норм или передаче споров в специализированные форумы, служит инструментом уменьшения конфликтов толкования. В совокупности эти договорные практики формируют гибкую архитектуру, способную учитывать политические риски без полного отказа от принципов долгосрочного сотрудничества.

Рекомендуется формализовать фреймворк распределения рисков через методiku картирования политических рисков по сценариям с привязкой контрактных мер к вероятностным оценкам. В рамках этого фреймворка следует предусмотреть использование финансовых инструментов для компенсации долгосрочной неопределённости, включая «страхование политических рисков,

банковские гарантии, эскроу». Контрактные триггеры и пороговые значения должны калиброваться на основе вероятностного анализа и стресс-тестирования, что позволит соотносить стоимость мер с уровнем риска. Для поддержания адекватности мер требуется регулярная переоценка сценариев с привлечением независимых экспертов и обновлением расчётных параметров.

Операционные и контрактные меры должны содержать конкретные обязательства сторон по диверсификации поставок и логистики с указанием альтернативных маршрутов и портов перегрузки. В договорах рекомендуется закрепить планы непрерывности поставок, включая минимальные запасы, резервные сроки поставок и процедуры перевода на альтернативные логистические цепочки. Поэтапные уведомления и формализованные требования к мерам по смягчению ущерба в период действия ограничений обеспечат оперативность реакции и уменьшат правовую неопределённость. Контрактные положения должны также предусматривать процедуры проверки готовности и проведение регулярных учений для подтверждения реализуемости указанных мер.

Управление взаимодействием сторон требует создания совместных комитетов по рискам с четкими полномочиями по мониторингу, координации ответных мер и принятию оперативных решений. Необходимо ввести процедуры экстренной коммуникации и ускоренного пересмотра условий, включающие регламентацию сроков уведомлений, порядок голосования и критерии активации регламентов. Регулярные ревизии санкционных положений и обязанности по раскрытию информации о правовом положении сторон должны быть формализованы, включая обязанности по информированию о изменениях в национальном и международном праве. Баланс между прозрачностью и конфиденциальностью достигается через обязательную фиксацию протоколов решений и проведение независимых аудитов для подтверждения соблюдения договорных процедур.

В российско-европейских энергетических отношениях наблюдается тенденция к широкому применению гибридных клаузул, сочетающих элементы форс-мажора и механизмов перераспределения рисков. Параллельно формируется региональная дифференциация договорных стандартов, объясняемая различиями в национальном регулировании и институциональных практиках. Усиление положений, направленных на обеспечение устойчивости поставок при санкционных шоках, проявляется через механизмы буферных запасов, альтернативных логистических маршрутов и гибких графиков поставок. Такая трансформация призвана повысить оперативную устойчивость контрактов и снизить вероятность системных сбоев в цепях поставок.

На рынок это будет оказывать влияние через более частые переговоры и регулярные пересмотры контрагентских отношений с целью адаптации к меняющемуся политическому риску. Разработка типовых клаузул и единых методик их применения представляется обоснованной мерой для повышения предсказуемости и снижения транзакционных издержек. Координированные подходы между государствами и компаниями, включая согласованные стандарты по управлению запасами и механизмы урегулирования споров, способствуют повышению инвестиционной устойчивости. Внедрение таких практик должно уменьшить правовую неопределённость и поддержать долгосрочное сотрудничество в энергетическом секторе.

Санкционные режимы вследствие своей целевой политической природы и системности перестали быть эпизодическим явлением и объективно переопределили содержание классического института форс-мажора. Их характер сочетает элементы непредвиденности, преднамеренной государственной политики и способности длительно препятствовать исполнению обязательств, что делает традиционные категории недостаточными. Вследствие этого требуется рассматривать санкции как гибридную правовую категорию, способную влиять на

диспозитивные и императивные нормы договорного регулирования в долгосрочных энергетических соглашениях.

Практическая адаптация контрактов не должна ограничиваться едва заметными корректировками, она требует системного внедрения гибридных положений, отражающих специфику санкционного риска. Такие положения должны включать детализированные критерии квалификации санкций как форс-мажора, режимы временной приостановки исполнения с механизмами экономической ребалансировки и ясные требования к доказательной базе и повторным уведомлениям. Кроме того, необходимо предусматривать эффективные процедуры эскалации споров и перехода к арбитражу с учетом выбора юрисдикции и применимого права, чтобы сохранить баланс между предсказуемостью и оперативной реакцией сторон.

Влияние санкций выходит далеко за пределы непосредственных договорных обязательств и затрагивает финансирование проектов, страховые конструкции и общую энергетическую безопасность, что усиливает комплексность возникающих рисков. Вследствие этого управление рисками должно носить интегративный характер и сочетать контрактные инструменты с корпоративными мерами, такими как диверсификация поставщиков и хеджирование. Дополнять этот набор следует институциональными механизмами координации на уровне государств и процедурным мониторингом комплаенса, что в совокупности уменьшит системную уязвимость сторон и повысит устойчивость цепочек поставок.

Дальнейшее развитие доктрины и практики должно опираться на формирование единых стандартов и накопление прецедентной базы, в которых арбитражные и судебные органы будут играть ключевую роль в выработке ясных критериев разграничения форс-мажора и санкционной неприменимости. Параллельно следует развивать экспериментальные контрактные решения, включающие периодические пересмотры, сценарное планирование и опции нейтрализации политических рисков, чтобы адаптировать договорные режимы к

изменчивой реальности. В совокупности такие меры позволят найти компромисс между гибкостью реагирования и правовой определенностью в российско-европейских нефтегазовых отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барзилова И.С., Веденеев Ю.А., Захарова М.В. Введение в юридическую профессию. — Москва: Проспект, 2017. — 432 с.
2. Бик С., Головкин М., Алексеева А. и др. Esg, декарбонизация и зелёные финансы России 2024/25. — М.: Экспертное агентство «Открытые коммуникации», 2025. — 100 с.
3. Богуславский М.М. Международное частное право. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 672 с.
4. Лизикова М.С. Международное атомное право: инновационное развитие правовой среды // Труды Института государства и права РАН. — 2023. — №5. — С. 80–84.
5. Мастепанов А.М., Бушуев В.В., Воропай Н.И. и др. Проблемы обеспечения энергетической безопасности в условиях высокой геополитической, экологической, экономической и технологической неопределенности // Актуальные проблемы нефти и газа. — 2017. — №3. — С. 1–5.
6. Мэтьюз Р. Об «экономическом НАТО» // Connections: The quarterly journal. — 2022. — №2. — С. 25–41.
7. Омышева Т.Н., Разманова С.В., Чернова Е.Г. Инжиниринговые проекты в нефтегазовой отрасли: новый взгляд на старые проблемы // Проблемы прогнозирования. — 2025. — №3. — С. 109–113.
8. Хлопов О.А. Энергетическая безопасность в условиях энергетического перехода // Власть. — 2023. — №5. — С. 257–261.

9. Чапчиков С.Ю. Международное сотрудничество России в сфере энергетической безопасности // Вестник РУДН, серия Юридические науки. — 2010. — №1. — С. 73–76.
10. Шевко Н.А. Реализация цифровой стратегии разработки в многовариантном геолого-гидродинамическом моделировании // Цифровая трансформация в нефтегазовой отрасли. — Ташкент, 2024. — С. 1–5.